

Вожделение

Мэй Цзюнь и его подручные возвращались не просто не солоно хлебавши — они уезжали вконец оплётанными.

Стоило Фан Юю распрощаться с Фу Цзяньси и сесть в машину к Мэй Цзюню, как с того мгновенно слетела вся спесь крутого авторитета.

— Мать его за ногу, это что, все малолетки нынче такие борзые? — проворчал Мэй Цзюнь, потирая ладонь, мимо которой только что просвистел нож Фу Цзяньси. — Ещё и волюну при себе держит, сучоныш. Я тут, блядь, целую ораву на вышибание долгов приволок, а у нас с собой ни у кого ничего тверже пуговицы в карманах нет!

Фан Юй усмехнулся:

— Сам же говоришь — ребёнок. Только какой нормальный ребёнок при виде твоей толпы не то что не разревелся, а даже глазом не моргнул? Подумаешь, ковырялка фруктовая. Вспомни себя в его годы: ты ведь из школы без заточки или арматурины в рукаве не выходил. Куда хлеще чудил.

И Фан Юй ничуть не преувеличивал. Не будь у Мэй Цзюня этой отбитой, чисто бандитской повадки идти до конца, старейшина Мэй никогда бы не приблизил его к себе. В их делах всегда нужен был такой человек — готовый нагнать жути. Не мокрушник и не поджигатель, но способный одним видом дать понять, что шутки кончились.

— Паршивец мелкий... А насчёт его папаши — что-то слабо верится, будто тот боится к сыну сунуться. Не присочинил ли малец? Старик его только позавчера объявился, сразу у виллы крутиться начал. Не похож он на труса, который родную кровь за версту обходит, — Мэй Цзюнь задумчиво поскрёб подбородок, уставившись куда-то сквозь лобовое стекло.

— Вы его упустили? — спросил Фан Юй. — Человек сто лет дома не был. Куда ему податься? Пойдёт туда, где всё знакомо, или к тем, кто может помочь разгрести его дерьмо. Даже если боится — деваться-то некуда, придётся приползти. Обычная человеческая логика.

Договорив, Фан Юй повернулся к приятелю.

Мэй Цзюнь несколько секунд молча смотрел на него расфокусированным взглядом. Затем, точно его осенило, с размаху хлопнул себя по бедру:

— Точно! Будем пасти его там. Поймаю гада — сразу, блядь, ногу ему переломаяю. Хоть душу отведу за то, что сегодня так обосрался. — Он похлопал по плечу парня на переднем сиденье.

Тот сразу обернулся:

— Понял, брат Мэй. Всё сделаем.

Машина затормозила у подъезда Мэй Цзюня. Мужчины вышли и неторопливо пошли по двору жилого комплекса.

— Всё утро псу под хвост, — со вздохом протянул Мэй Цзюнь, на лице которого проступила глубокая усталость. — Ты это... у невестки своей потом спроси, где она это барахло брала, да сам купи.

— Угу, — отозвался Фан Юй.

Он и сам заметил, что Мэй Цзюнь сегодня буквально валится от усталости. Подобные разборки для него — раз плюнуть, обычно он на такое шестёрку посылает, сам не марается. А тут мало того что приехал лично, так ещё и дёргался, психовал на ровном месте.

— У старейшины Мэй намечается что-то крупное? — негромко спросил Фан Юй.

Мэй Цзюнь на секунду приподнял веки, и в его глазах промелькнула тёплая усмешка:

— За то тебя и ценю, братуха. Сразу всё сечёшь. — Он качнул головой, будто одобряя проникательность друга. — Старик мне ничего не докладывал, но в последнее время по всем точкам приказ: срочно выгрывать кэш. Скребут всё до копейки, не брезгают даже копеечными долгами, прут напролом. Вообще на него не похоже.

Мэй Цзюнь достал сигарету, сунул в зубы и протянул пачку Фан Юю.

Фан Юй взял сигарету, но зажигать не стал — просто мям в пальцах.

— А известно, куда текут деньги? Сразу уходят на счета или оседают в кубышке?

— Да чёрт его знает. Старик уже в годах, в блудняк с высоким риском лезть побоится. Но хрен его разберёт... Пока всё аккумулирует у себя, движений наружу нет, — ответил Мэй Цзюнь, и его лицо скрылось за сизым облаком дыма.

— Беспокоишься, что он решит...

Мэй Цзюнь тут же перебил его, не дав озвучить догадку:

— Исключено. Он в молодости костыми лёг, чтобы отмыться и из криминала вылезти. На старости лет устраивать себе весёлую жизнь? Бред собачий, курам на смех. — Мэй Цзюнь хохотнул, отчего-то искренне забавляясь собственной мыслью.

— Ну, как знать. Ни детей, ни плетей... — Фан Юй осёкся на полуслове и резко повернулся к Мэй Цзюню.

Мэй Цзюнь перехватил его взгляд.

То, что старейшина Мэй прожил жизнь бобылем, знали все вокруг. Но так ли это на самом деле? Мэй Цзюнь, которого старик подобрал уже взрослым и сделал приёмным сыном, поручиться бы не решился.

Оба замолчали. Они поднялись в квартиру Мэй Цзюня, откуда Фан Юй ушёл уже через полчаса. Из всей их детдомовской компании Мэй Цзюнь устроился лучше всех. Свил уютное гнёздышко: жена — простая, милая женщина, сынишка — егоза и умница. Настоящая семья, тишь да гладь. У Мэй Цзюня была стабильная, хлебная работа и вполне адекватный приёмный отец.

Честно говоря, Фан Юй ему по-хорошему завидовал. Но теперь вся эта мутная история со спешным сбором долгов грозила нарушить покой его друга. Как бы старик не втянул парня в неприятности.

Фан Юй терпеть не мог бесцельно слоняться по магазинам. Обычно он шёл в торговый центр со строго намеченным списком: зашёл, взял, оплатил, ушёл. Редкие моменты праздного шатания в последний год превратились для него в подобие повинности. А ведь когда-то всё было иначе. Давно, в школьные годы, когда его брат Фан Цинь ещё не растерял здоровье, они на каникулах сутками напролёт торчали в кинотеатрах и залах игровых автоматов. Но потом... потом брат женился, и Фан Юй даже не знал, выдавалась ли тому хоть раз возможность просто так, без дела, побродить по городу.

Он выбрал два огромных коллекционных набора с динозаврами. Один — для племянника Фан Ци, второй — для сына Мэй Цзюня.

Заглянув в знакомый бутик мужской одежды, Фан Юй обновил гардероб, купив пару повседневных костюмов и бельё. Когда он вышел из торгового центра, солнце уже стояло в зените. До дома было рукой подать, так что он решил завернуть к себе в квартиру, немного вздремнуть, а уже ближе к вечеру отправиться на Виллу Западных гор.

Эту квартиру в центре города ему подарил дядя Фан Боцюнь сразу после свадьбы Фан Циня. Тогда Фан Юй собрал вещи и съехал из общего дома. Жильё было небольшим, но с отличным лаконичным ремонтом — строгий минимализм, всё как он любил. До офиса — рукой подать, да и вся нужная инфраструктура под боком.

Здесь он прожил последние пять лет и окончательно привык к одиночеству. Даже по праздникам или в выходные, приезжая на семейные ужины к дяде Фан Боцюню, он никогда не оставался там ночевать.

Лишь в последнее время из-за странного поведения Фан Циня и Су Сяолань атмосфера в доме стала натянутой, что рикошетом ударило по старику и маленькому Фан Ци. Фан Юю пришлось зачастить с визитами, чтобы хоть как-то расшевелить взрослых и отвлечь ребёнка.

Дядя Фан Боцунь так и не признался, где Фан Цинь с женой пропадали больше месяца. Впрочем, Фан Юй не лез с расспросами — он никогда этого не делал. Захочет брат поделиться — он выслушает. А если все предпочтут промолчать, то ему и подавно без разницы.

Он давно привык к этой иллюзии семейного тепла, построенной без единой капли общей крови. Больше того, когда-то — в глупые, юношеские годы — он посмел возжелать большего, посягнуть на то, что ему не принадлежало. До сих пор Фан Юй благодарил небо за то, что вовремя одумался и та его постыдная страсть не натворила бед.

Тем временем Фу Цзяньси и Дацзянь закончили наводить порядок во двореке. Физический труд помог прогнать остатки хмельного тумана из головы. Они немного повалялись на диване, лениво перекидываясь фразами, но не успели оглянуться, как желудки снова потребовали еды.

— Всё, погнали лопать. Лапшу с говядиной и жареные пельмени хочу — сил нет! — Дацзянь уже натягивал кеды прямо поверх домашних треников. — Растущему организму нужны калории, иначе усохну к чертям.

Фу Цзяньси, прислонившись к обувнице, неторопливо переобувался. Выслушав этот пассаж, он выразительно опустил взгляд на паховую область друга, а затем сочувственно покачал головой — мол, да, там тебе подрасти точно не помешает.

Дацзянь тут же взвился и ткнул пальцем ему в плечо:

— Слышь! За моего младшего можешь не переживать. Там всё в полном порядке, прёт в рост как на дрожжах. Не веришь — давай достану, померимся!

Проигнорировав угрозу публичного обнажения, Фу Цзяньси молча перешагнул через порог, дождался, пока Дацзянь вывалится следом, и запер калитку на замок.

— Ну и? — Фу Цзяньси провокационно вскинул бровь. — Где обещанное шоу? А как пыхтел-то.

— Завали рыло, — огрызнулся Дацзянь, пытаясь на ходу дать ему дружеского пинка. — Будешь вякать — я тебя сегодня на три оклада объём.

Вскоре перед ними дымились две бадьи наваристой лапши с говядиной, виселись две порции хрустящих жареных пельменей-готе с мясной начинкой и стояла тарелка битых огурцов.

Стоило им усестись, как сидевшие за соседним столиком девицы принялись беззастенчиво их разглядывать. Дацзянь под этими взглядами аж вытянулся в струнку и расслабился только

тогда, когда его тарелка опустела.

— Блин, они пожрать нам дадут нормально или как? — зашептал он, придвинувшись к другу. — Пялятся так, будто мы вместо десерта. Может, потребуем с них плату за зрелище? Глядишь, за обед платить не придётся.

Фу Цзяньси чужое внимание ни капли не смущало — за столько лет он успел привыкнуть к повышенному интересу к своей персоне. Да и вообще, заставить его отказаться от еды не мог ни один взгляд в мире. Он лениво покосился в сторону соседок. Заметив это, девушки мгновенно подобрались, напустив на себя ангельский и невероятно кроткий вид.

— Может, они тебя узнали? — предположил Фу Цзяньси.

Дацзянь подрабатывал моделью: снимался для каталогов одежды, рекламировал аксессуары и мужскую косметику. Журналы были так себе, копеечные, но для своего местечкового уровня он считался вполне узнаваемым лицом.

— Да хорош глумиться. Какое там «узнали»... — Дацзянь внезапно замолчал. В его глазах вспыхнула мысль. Он торопливо проглотил недожёванный пельмень, запил его бульоном и уставился на друга: — Слушай, а ведь точно! Дело есть.

Заметив, что Фу Цзяньси продолжает меланхолично наматывать лапшу, Дацзянь бесцеремонно отобрал у него палочки и уложил их поперёк пиалы.

— Помнишь агентство, куда ты ко мне приходил?

— Ну. Твоя контора? — Фу Цзяньси спокойно вернул палочки в свои пальцы.

— Именно. «Звёздные медиа». Так вот, мой менеджер тебя приметил. — Дацзянь снова отобрал палочки.

— И что? Запал на меня? Трахнуть хочет? — Фу Цзяньси ловким движением вернул прибор себе, подхватил тарелку и демонстративно отсел на стул подальше.

— Да блин, Цзяньси! Ты можешь хоть раз серьёзно поговорить? — Дацзянь с досадой хлопнул ладонью по столу. — Только о жратве и думаешь.

— А, ну вот, а я-то губы раскатал. Думал, опять кто-то подкатить решил, — притворно вздохнул Фу Цзяньси, забавно надув губы.

— Чего?! Кто это на тебя позарился? Совсем страх потеряли, бессмертные, что ли? Ты же его в бараний рог согнёшь! Стоп... Что значит «опять»? Цзяньси, колись! Ты от меня скрываешь

интрижку? — Сплетнический радар Дацзяня взвыл на ультразвуке, требуя немедленных подробностей.

— Сначала расскажи про своего импресарио, который на меня «не запал». Что с ним? Жив ещё? — уклонился от ответа Фу Цзяньси, продолжая уплетать лапшу.

— Ну и язык у тебя... Короче, у брата Ли целая прорва парней на контракте, но выстрелили от силы двое. Тот же Юньгэ — звезда, со всех обложек не вылезает. Но он уже в возрасте, пора на покой или в актёры подаваться. Вот наш менеджер и ищет ему замену. Как тебя увидел — прохожу мне не даёт, расспрашивает. Ну что, попробуешь? Это же шанс! — Дацзянь подался вперёд, едва не ткнувшись носом в лоб друга.

— Отодвинься от моей тарелки, перхоть натрясешь, — Фу Цзяньси бесцеремонно ткнул двумя пальцами Дацзяня в лоб, заставив отпрянуть. — Мне некогда.

— Ну и зараза ты! Ладно, передумаешь — свистни. С твоей внешностью и фигурой губить жизнь за мольбертом — просто преступление, — вздохнул Дацзянь, с досадой глядя на жующего друга.

— Угу. Лучше рот займи едой, а дома займись делом: постирай наконец трусы с носками, которые у тебя уже неделю в тазу киснут. Ещё раз увижу это болото — вылью к чертям прямо на постель.

— Чистюля выискался. Счастье, что ты в общежитии не жил, а то бы с ума сошёл от тоски, — проворчал Дацзянь.

Пообедав, они не торопясь двинулись обратно в сторону дома по тенистой аллее вдоль реки. Внезапно Дацзянь вспомнил, что один животрепещущий вопрос так и остался без ответа. Он забежал вперёд, развернулся спиной по направлению движения и, пятясь, заглянул в красивое, безупречное лицо друга. С самым двусмысленным видом поиграв бровями, он подмигнул:

— Ну так что? Кто этот камикадзе, который вознамерился затащить в постель нашего недотрогу Цзяньси?

— Тот высокий хмырь, который сегодня утром последним у калитки стоял, — буднично отозвался Фу Цзяньси, будто речь шла о качестве только что съеденных пельменей.

— Чего?! Мэй Цзюнь? А, нет, тот, что рядом с ним ошивался? — Дацзянь вытаращил глаза. Напрягая память, он попытался вспомнить лицо незнакомца. — Погоди-ка... А он ведь ничего такой, породистый.

— Он самый, — безразлично кивнул Фу Цзяньси.

— И ты так спокойно об этом говоришь?! Вот у тебя выдержка! Надо было в него этой ковырялкой запустить, чтоб неповадно было. Вы вообще где пересеклись?

— В клубе «Лазурное море и облачное небо». Странный он какой-то...

Под «странным» Фу Цзяньси имел в виду то, что этот человек сначала отдыхал в элитном закрытом заведении, где менеджер Линь Шань рассыпался перед ним бисером и даже сосватал ему в компанию самого Ци-Ци. А уже утром тот же холёный господин заваливается к нему во двор в компании уличной шпаны выбивать долги. Не вязался у него этот образ.

— Уж не знаю, кто он там, но шестёркой Мэй Цзюня этот кадр точно быть не может. В такое место, как «Лазурное море и облачное небо», гопоте ход заказан. Может, он босс этой шарашки? — Дацзянь дал волю фантазии.

Какая-то подозрительная личность положила глаз на его лучшего друга. Мало того что мужик, так ещё и нарисовался дважды за сутки в совершенно разных амплуа. Бедный Дацзянь уже всю голову сломал, переживая за невинность этого чертовски привлекательного девственника.

— Хватить вилять. Нам туда, — Фу Цзяньси бесцеремонно схватил его за шкурку и развернул в нужную сторону. — Даже не думай свалить под шумок. Шагом марш домой, стирать свои завалы.

— Ну ты и зануда! Я тут о твоей судьбе пекусь, а ты мне какими-то трусами тычешь!

— Избавь меня от своей заботы. Будет гораздо лучше, если ты направишь этот мысленный поток на гигиену. Мне так спокойнее.

Неподалеку, у самой набережной Циньхэ, за овальной клумбой прятался человек. Он сидел на корточках, лениво стряхивая пепел под ноги, где уже валялось несколько раздавленных окурков. Застиранный до белизны одежда висела на нём мешком, сальные волосы клочьями падали на испитое, осунувшееся лицо, а пальцы, сжимавшие фильтр, мелко и непрерывно дрожали.

Стоило голосам парней затихнуть вдали, мужчина медленно поднялся в полный рост. Он был высок, но сквозь лохмотья угадывалась болезненная, почти истощённая худоба.

Он долго, не отрываясь, смотрел вслед уходящему Фу Цзяньси. За те годы, что они не виделись, мальчик вырос и изменился настолько, что теперь мужчина просто не смел даже поднять на него взгляд, не то что подойти. Несколько часов назад, когда из рук Цзяньси вылетело лезвие, у наблюдателя едва сердце не остановилось — он был уверен, что нож сейчас со свистом войдёт прямо в грудь Мэй Цзюня...

Мимо по тротуару неторопливо прошёл случайный прохожий. От этого безобидного шороха

мужчина испуганно вздрогнул, дико озираясь по сторонам воспалёнными глазами. Втянув голову в плечи, он торопливо развернулся и зашагал прочь, стараясь как можно скорее раствориться в лабиринте улиц.

<http://bllate.org/book/18325/1758830>